

МИША БАСТЕР

«ХАРДКОР»

2016

Миша Бастер

Хардкор

Серия «Хулиганы-80», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17037098
Хардкор/ Миша Бастер: Издать книгу; 2016

Аннотация

Юбилею перестройки в СССР посвящается. Этот уникальный сборник включает более 1000 фотографий из личных архивов участников молодёжных субкультурных движений 1980-х годов. Когда советское общество всерьёз столкнулось с феноменом открытого молодёжного протеста против идеологического и культурного застоя, с одной стороны, и гонениями на «несоветский образ жизни» – с другой. В условиях, когда от зашедшего в тупик и запутавшегося в противоречиях советского социума остались в реальности одни только лозунги, панки, рокеры, ньювейверы и другие тогдашние «маргиналы» сами стали новой идеологией и культурной ориентацией. Их самодеятельное творчество, культурное самовыражение, внешний вид и музыкальные пристрастия вылились в растянувшийся почти на пять лет «праздник непослушания» и публичного неповиновения давлению отмирающей советской идеологии. Давление и гонения на меломанов и модников

привели к формированию новой, сложившейся в достаточно жестких условиях, маргинальной коммуникации, опутавшей все социальные этажи многих советских городов уже к концу десятилетия. В настоящем издании представлена первая попытка такого масштабного исследования и попытки артикуляции стилей и направлений этого клубка неформальных взаимоотношений, через хронологически и стилистически выдержанный фотомассив снабженный полифонией мнений из более чем 65-ти экзистенциальных доверительных бесед, состоявшихся в период 2006–2014 года в Москве и Ленинграде.

Содержание

Металлисты	7
Сергей Окуляр	7
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Миша Бастер

Хардкор

Металлисты

Сергей Окуляр

Фото 1. Очки и концерты, 1986 год. Фото из архива автора

С. О. Детские годы как-то протекали неравномерно. Москва строилась, и когда я родился возле Университета, тут же всех моих переселили в однокомнатную хрущевку. Получалось, если папа на маму залезал, то приходилось проверять, спит их сынок или нет. Девушкам же я сейчас люблю говорить, что родился в середине прошлого века.

Комиссионные были культовыми местами, и каждый продавец таких заведений становился культовым персонажем по определению. Ничего из вещей в обычных магазинах не было, и интересное можно было обнаружить лишь в «комках». Вот, ну детство как детство, а вот когда папаша купил такой музыкальный центр, состоящий из двухканального магнитофона, проигрывателя и радио...

Были такие центры, сработанные как предметы интерьеров в виде тумбы на ножках. Очень популярны стали как раз в конце восьмидесятых, хотя более ранние модификации впечатляли больше. Просто были такие стенки с книжными полками и встроенной аппаратурой.

Да... Конечно же, радио мне нафиг не было нужно, оттуда лилась монотонная бредятина. Только магнитофон и проигрыватель, что впоследствии оказалось ошибочным. Пришел как-то соседский мальчик и просто воткнул туда кусок проволоки. Радио вздрогнуло и заговорило на иностранном языке. Соседу было лет восемнадцать, но у него уже проби-

валась седина. Бывает такая склонность у некоторых людей. Этот Коля, сам по себе тихий и интеллигентный, в шоблы ни с кем не сбивался, однажды принес пластиночки и настроил мне радио. Я, конечно же, сразу врубил все на полную катушку и оттуда понеслось: «О мио Майо, мио Майо»... Это были прямые концерты из Вашингтона: концерт поп-музыки номер один и номер два. То поколение много чего боялось, а вот когда я был еще мальчиком, то видал таких хиппарюг, что мама не горюй. В сабо и с полуметровыми клешами. У меня чуть сердце не остановилось. Джинсы, запиленные курточки и на ногах были сабо на огромной платформе на босу ногу. У нас сандалии до сих пор с носками носят, а там сабо с бубенчиками – вилы. Вся эта мода потом вернулась и очень долго адаптировалась. Это сейчас все модные циклы быстротечны, потому что есть индустрия, а тогда все это приходило с надрывом и оставалось на десятилетия. Тогда были стили, а теперь ремейки.

Было еще одно событие значительное для поколения семидесятников. Была такая передача, которая просто сделала римейк на Jesus Christ Superstar. Я помнил это произведение наизусть, и вдруг по телеку проходит какая-то опера. Слова советские, а музыка-то... Для первой половины семидесятых все эти арии Иуды в «Волшебном фонаре», их нахлобучивало не по-детски. Показывали это на Пасху в три часа ночи, и было это шоу каких-то эстрадных артистов. Бенефис актрисы Голубкиной, как потом оказалось, под режис-

сервством Ефима Гинзбурга.

Было мне лет двенадцать; в школе хулиганил я не больше всех, стандартно. Школьное время – тоска зеленая, которая была разбавлена появлением какого-то мужичка, который спросил: «Кто хочет к миру музыки приобщиться?» Я думаю, ё-мое, конечно хочу. Мужик затеял в школе оркестр и ходил отбирал детишек. Смотрит, у паренька губы как будто бритвой прорезаны – все, говорит, это трубач. Смотрит, ученик ножкой дергает. Подходит и спрашивает: «Ну-ка, ну-ка, а так можешь?» Всё – барабаны. А мне тогда альтушку дали. И я, как в мультфильме про Незнайку, с этой фигней: «Не доросли вы еще до моей музыки»... Я тогда еще подумал: вот чуваку с барабанами повезло. И, короче, после уроков, сидишь, дуешь: «Как под горку, под горой». Надуешься до одурения. Слюней, соплей – полведра. И вот надуешься, идешь и чувствуешь, что как будто двадцать матрасов надул. И так-то легкие как у курицы. И прям, реально музыка меня сносила с ног, шатала по дороге из школы, и я получал удовольствие от приобщения к миру слюней и высоких мотивов. Потом я додулся до боли в железах и забил на эту альтушечку. Трубы я потом ненавидел долго-долго, до того момента как Sweet, сделал Desolation Boulevard с офигительным вступлением с трубами. А тогда, в детстве, я был далек от дворовых игр в «пионербол» и увлекся поиском зарубежной музыки, которая по капелькам сочилась отовсюду. Даже телевизионные советские программы использовали

рок-композиции, Creedence был точно. Сорокопятки были смешные. Там не писали исполнителя, а писали: «Песня на англ. языке». Или редко писали: Леннон-Маккартни, что было крамолой по тем временам. The Beatles, Creedence, даже Deep Purple- все это было и продавалось отдельно и в сборниках «Кругозора». Причем, если песни были длинными, их просто резали. Очень увлекал отлов музыки через глушилки, музыка кочевала с волны на волну. Так что влияние всяческих зарубежных голосов, оно, несомненно, сказалось на формировании сознания.

Собственно, из почерпнутой и проанализированной информации и сложилась моя жизненная позиция, которая заключается в том, что любое правительство – суть насилие над личностью и его сознанием. С тех пор я начал строить свою жизнь без участия любого государства, и всю жизнь строил. Государство мной не интересуется, я им тоже. Принцип самодостаточности. При этом большинство людей не способно остановиться в случае, если у них «попрет фишка». Идут до конца и в конце кончаются. По одной причине: они хотят больше, чем имеют, а обосновать зачем- не могут. У них и времени на это нет, они всегда заняты.

Сначала пошла музыка, потом я начал прислушиваться к новостям и пришел к такому незамысловатому мнению: люди, большинство, не постесняюсь этого слова, – мудаки. Я не имею в виду только Россию, это во всем мире. Им что ни дай- все надо. Втирают всякую лабуду, а они верят. При-

чем без этих мудаков тоже нельзя. Никто бы тогда не водил троллейбусы, не убирал дерьмо в туалетах, да и вообще- без них, мудаков, скучно. Если в детстве им еще недостаточно по ушам поездили, а быть может, они невнимательно слушали себе подобных, то тогда они окончательно в жлобов еще не превратились... Так вот, эти мудаки иногда способны даже на поступки межпланетного масштаба и иные героические действия. Для них патриотизм становится главным в жизни. При этом положительном моментом для урелов всегда было то, что большая часть всегда стремилась к чему-то большему, и старалась «взболтать» ситуацию вокруг себя. Только немногие в этом процессе осознавали, что урела на самом деле они сами и есть – и в конечном итоге от лоховства избавлялись. Люди, дети доярок и конюхов или вообще – бог весть откуда, в этом случае оказываются более гениальными и менее мнительными, чем их родовитые земляки.

Тот же Владимир Семенович Высоцкий, если посмотреть на портрет без бороды, это привет: визуально печать интеллекта отсутствует. Просто пособие по изучению древней антропологии... Но до той поры, пока молчит. Только откроет рот – как даст первобытного драйва! Ломоносовщина в чистом виде. Я недавно смотрел концерт, где исполнялись его песни: такое впечатление, что всем отрезали яйца и заставили из-под палки завывать. Это не обязательно фальцет; больше всего это напоминало те звуки, которые издают интеллигенты, когда их прижимают хулиганы в темной подворотне.

А нормальный человек в таких случаях, используя тембры Высоцкого, сразу коротко: «руки, нах!»... Это чтоб понятно разницу было.

И вот такие «Володи Высоцкие», обделенные богатырским ростом и журнальной красотой, своим первобытным драйвом действительно способны изменять ситуацию. Главное, чтоб среда была. В советском, да и в нынешнем обществе единственная возможность совместного проведения досуга, где тебе мозги не разрушали, была армия. Поэтому большинство интереснейших мужских историй связаны непосредственно с этим периодом. Отсюда и поговорка – кто в армии не был, не мужик. Позже таковая среда сложилась на улицах Москвы уже в середине восьмидесятых, и неформалам стало бессмысленно в армию уходить.

Позже, когда получаемой информации стало не хватать, я стал с одноклассниками шататься по городу и встретил «Папу Валеру». В ГУМе, где снимали Робертино Лоретти, который вскоре подрос и исчез. Было это все в конце семидесятых. И когда я первый раз пошел покупать пластинки, встретил Валерия Михайловича, который впоследствии стал моим учителем. А учил он меня не быть лохом. Все меломаны того периода были ушлыми до беспредельности: и пластиночку послушать с кондачка, и впарить менее опытным собратям по несчастью. У начинающих это не получалось. Увидел любую пластинку, сразу: дай! Валерий Михайлович Сокол на тот период уже был легендарной личностью. Его

уже знали все центровые «утюги», а он был самым центровым, и у него было множество позывных. Я ему дал свою-Ливерпуль – потому что, стремясь к импозантности, он все время менял свой имидж. Органы его знали в лицо, что отразилось на том факте, что Валерий ходил то с усами то без, а то и со шкиперской бородой. А тогда за бороды и усы могли из института выгнать. Вот с такой шкиперской бородой и без усов я его встретил. В каком-то советском фильме все иностранные капитаны были с такими бородами, и один даже пел «Ливерпуль, мой Ливерпуль». Я дал ему такую кличку, хотя у него были уже «Сокол», «Папа Валера» и другие. Про него писали фельетоны в газетах; были сотни приводов, и в одном фельетоне «Вечерний Москвы» был заголовок «Кто Соколу подрежет крылья». Через него я ознакомился со всем мирком филофонистов и «утюгов». Все «толчки» были у крупных грампластиночных магазинов – таких, как «Калинка» на Ленинском или напротив Телеграфа.

С этих времен началось мое меломанство, и Валерий Михайлович учил меня непрерывно. Обувал по-черному. Стояли мы на точках, попивая «Салют», и дико сдружились. Выглядел я тоже своеобразно. Вечно развевавшийся по ветру хаер, ацетатная шуба. Не так, как ходили хипарики, запрятав волосы под пиджачки и кепочки. Зашуганные семидесятники. А я всегда ходил без шапки, даже когда в 79-ом году от мороза отлетала краска на трамваях. Так продолжалось до самой армии, в которую я ушел в тот же самый день, когда у

Игги Попа состоялся легендарный концерт в Сан-Франциско.

Мать меня пристроила служить в Подмоскowie; я умудрился поставить рекорд по самоволкам и продолжал меняться пластинками на «куче». По «самоходам» в период 81–83 года я был чемпионом. Иногда за водку-колбасу, а иногда просто деру давал. Причем, когда я уходил в армию, жена была беременной; а когда пришел, уже сын ходил. И как-то я в «самоходе» пришел домой, сын вышел навстречу и вместо стандартного «папа» с эстонским акцентом сказал «пить-курить». Где-то он нахватался во дворе и запомнил; с тех пор и щебетал на ход ноги «пить-курить». Особенно ему это удавалось, когда он запеленатый, как снеговик, переступал по ступенькам, приговаривая свой речитатив с каждым шагом...

Армия была отдельным пластом, о котором можно рассказывать часами. В армии я научился ругаться матом почти на всех тюркских диалектах. Причем выпрашивал у сослуживцев самые обидные ругательства и был дико популярен. А пластинки лежали рядом. При этом если бы это все происходило чуть позже, я, естественно, не служил бы. Пузо и компания были моложе меня, а те, кто постарше, служили все и писали трогательно-смешные письма из армии. Это был переходный период от Олимпиады-80; явных металлистов было всего три человека на Москву: я, который уже отделял остальную музыку от Judas Priest, Андрей Кисс, который был прикинут так, как никто в Москве. Я офигел, ко-

гда увидел в 78-м году человека с выкрашенными перьями на голове и ИКОНОЙ «Кисс- Destroyer». Деревянный иконостас на цепях, в запиленной курточке, а сам как воробей. Собственно, его так и прозвали потом. Весь в булавках, а потом, шесть лет спустя, уже его сценический имидж был самый крутым по Москве. Потом, я слышал, он купил где-то дом и уехал. Третьим был парнишка, который ходил в летчицкой куртке и которому я до армии дал чирик взаймы а после армии он, нисколько не смутившись, достал червонец из той же самой куртки! Ничего не изменилось ни в нем, ни в ситуации. Как будто это все было вчера. Отложилось это в памяти... Ну и, конечно же, Саша Морозов, более известный как Саша Вельвет. Он уже тогда был очень модным молодым человеком и, когда джинсой все наелись, попер вельвет. У него было все вельветовым, начиная от курточки и кончая кепочкой. Я б не удивился, если бы у него носовой платок был бы из вельвета... Грузины бегали по Москве после Олимпиады и спрашивали, где взять вельвет. А у Саши уже в то время был список, отпечатанный на машинке с иностранными буквами. Список был длиннющим, и сумма всего представленного была немаленькой. Машинка же такая могла быть в те времена далеко не у каждого.

У Саши были всегда «последники», которые он брал у «крючка», который в свою очередь брал их у детей дипломатов, учившихся в то время в Москве. В основном это были голландские пласты. Когда пошли первые студии звуко-

записи при каждом рынке, у Вельвета уже было несколько студий звукозаписи; и потом неожиданно: бах! он уже работает в SNC records, который появился при Горбачеве. До сих пор остается загадкой, каким образом Стасу Намину еще при коммунистах удалось заполучить Зеленый театр и творить там черт-те что. Позже Саша отделился от Намина и основал Mogo records, где продюсировал Паука, выкупил права на записи Высоцкого и Цоя. А потом я узнал, что он купил дом в Майами, по соседству с Пугачевой, и осел там окончательно. Смешно: раньше были дома генеральские, челяускинские, где селили всех в один дом, чтоб на прослушку меньше тратиться. Так и у них там дома шоу-бизнесменов. Очень удобно.

Нужно отметить всемирный продуктивный всплеск в музыкальных кругах, когда тяжелый рок полез из всех щелей, как грибы после дождя. Так же, как в 79-м году все «Дип Пёрплы», «Назареты», «Лед Зеппелины» выдали на гора шедевры, так же в следующий год отоварили своим искусством металлисты. Есть такая тенденция, когда в юбилейные года идет напор новой музыки. Панк-революция до нас не докатилась, а вот «железо» поперло. При этом появились статьи Троицкого в «Ровеснике», появились какие-то статьи в «Студенческом меридиане», журнале «Сельская молодежь» и других. Но это были крупницы, и гораздо большее количество информации можно было почерпнуть у старых системщиков. Я впервые услышал словосочетание «Хеви Метал»

именно от такого представителя. Он был женат на подруге жены и пять лет вводил в заблуждение жену, что якобы учится в каком-то медицинском институте. Он каждый день уходил, приходил... И вот этот Коля перед моей свадьбой озвучил это магическое слово.

А торговля и обмен пластинками было той самой важной отдушиной, через которую черпались жизненные силы – и жизнерадостность фонтанировала. При этом опасность, которая весь этот процесс сопровождала, стимулировала сознание по полной. Везде были переодетые менты. Если тебя забирали в ГУМе (а «пасли» сверху через колодец всегда), то быстро проводили на второй-третий этаж, где были маленькие конторки-никанорки. Если вели уже в отделение, то это в «арбитраж». «Арбитраж» – это центральный вход и темный коридор, где была такая надпись. Вот по этому коридору был выход в глухой двор, где по диагонали находилось второе отделение. В отделении, конечно же, находился «обезьянник»; пластинок- море, но это были «вегетарианские» времена. Не было этого быдлярского урлаганства и гоп-стопа, которое было привнесено в ряды правоохранительных органов в «новые времена». Милиционеры в столице считались с местными жителями и старались вести себя культурно. По крайней мере, были вежливыми. Правда, некоторые милиционеры испытывали чувства, сходные с оргазмом, пропилив ключом по пласту и при этом заглядывая в глаза «жертве». Но не отнимали. А взрослые филофонисты попросту от-

купались.

Доходило до казусов. Живой пример. Меня «репают» с пластинками. Стоит «пионер» прыщавый, которому мама покупает пластинку, но чтобы разойтись со сдачей, отходит куда-то к кассам. Мальчуган стоит уже с пластинкой, покрывается потом. Глаза бегают, а тут нас забирает комсомольский отряд с опером во главе. Везло мне на двойки: 2-е, 22-е, 222-е отделения. Приводят, разводят, как обычно, по комнатам и говорят, что ваш сосед уже во всем признался. Это сейчас задержание похоже на гоп-стоп, а раньше все было чинчинарём: протокол изъятия, дознания, очные ставки. То, что им положено, они выполняли. И в том случае спрашивают: где деньги? А я денег никаких получить не успел. У ментов облом. Мамаша бегает по магазину, ищет сына. Потом прибегает в отделение, и выясняется, что сделка не состоялась. Всех отпускают, проведя наставнические беседы. Другой раз меня привлекали к суду за пластинки. Прихожу в суд с повесткой в руке; там битком, и стоит бабка с прожженной рожей, как рисовали в «Крокодиле». А я еще не искушенный в этом деле был и переклинило меня: что, мол, все пластиночники, которых принимали, обязательно должны стоять в одну и ту же дверь. Остальные-то по внешнему виду подходят под категорию, но бабка-то тут причём... Спрашиваю: «Бабушка вас то за что?» А она, скривив гримасу: «За что, за что... За то же, что и тебя...» Тут меня перемкнуло окончательно: за Deep Purple? Ну и я – жопу в горсть и ноги от-

туда сделал, даже не ходил никуда. Так было и раньше, при Сталине и Брежнев; эта же фишка осталась и теперь. Как только кто-то делает ноги из города, он автоматически становится не нужным и, если попадает, то случайно. Бюрократия у нас такая и безответственность.

А пластиночная страсть была неистребима. Переодевшись в гражданскую одежду, я мчался в Москву на Самотек, где тут же принимался ментами. Потому что у всех был характерный четырехугольный пакет. Как не конспирируй, не спрячешь. Я нашел выход, купив коробку из под четырехпластовой речи Леонида Ильича Брежнева. Отличная коробка с двойными пакетами, над которыми все филофонисты тряслись и которых не хватало всегда.

Помню, при мне один человек с трясущимися руками уронил на пол туалета ГУМа пластинку! Да, а туалет в ГУМе был, конечно же, культовым. Как в Питере 88-го года. Толчки были разделены невысокими перегородками без дверей, где, подобрав полы своих бобровых шуб, заседали люди, выглядывая, как совы из дупла... Даже в армии были нормальные туалеты, а здесь, вставая после работы, можно было увидеть головы заседающих соседей. В ГУМе так тырили шапки, которые были часто ондатровыми и проходили как дефицит. И главное, пострадавшим приезжим некуда было деться – руки-то заняты, а тут раз... и шапка ушла, то ли налево, то ли направо, а быть может уже по улице пошла... При этом в ГУМе всегда стоял характерный туалетный запах, особенно

возле пластиночного отдела.

Меломаны все ходили со списками. При этом шел обмен с постоянными добивками. Когда Британию захлестнула волна панка, Россия утонула в потопах «Аббы», «Смоуки», «Бони М». Именно такие пласты уходили за бешеные баки, не «Пёрпл» с «Саббатом», которые можно было купить даже за четвертак. При этом пиленные пластинки мазали вазелином, и опытные филофонисты всегда подносили винил к носу и нюхали. Эти диски назывались «мазанными». При этом диски разбирались на запчасти, и продавались по отдельности. Вкладыши-постеры уходили за десять рублей. Некоторые умудрялись вытаскивать внутренности и запечатать обратно, а иные исхитрялись отклеивать пластиночные «яблоки». Все эти хитрости присутствовали наравне с кидаловом, когда гренадеры кидали подростков. Кидняк процветал, и слабинку давать было нельзя, потому что потом пришлось бы с этой «маркой» появляться на тех же точках. Все эти неприятные моменты затачивали характер.

Я помню, что тогда уже пришло понимание, что пластинки-пластинками, но надо покупать джинсы. Стало просто стыдно за себя, за внешний вид. Тогда в обывательской среде бытовало мнение: если человек не лох, то он должен зарабатывать, украсть, снять с убитого, но достать себе джинсы... Не ходить в «чухасах». Я и сейчас прикупаю себе вещи того периода, потому что вещей такого качества больше не делают.

Я начал трудовую карьеру в пятнадцать лет с фабрики

«Буревестник», которая выпускала ботинки, весящие килограмма по три. Паспорта у меня еще не было, и устроили меня по свидетельству о рождении. Сначала я зарабатывал пять рублей в день, потом стал давать две нормы – и выходил «червонец». По тем временам было нормальным таким заработком, даже для взрослого. Выходило триста, но после комсомольских вычетов становилось двести сорок. Как бы «сыт-пьян-нос в табаке» и можно было отложить. Работал я в разных местах и уже тогда понял, что на заводе я больше работать не буду, даже фабрикантом. Меня там даже на партийных заседания принудительно присутствовать заставляли. Хотя я был беспартийным. А спекулянты зарабатывали на порядок больше; торгаши заправляли продмагами и мерилom благосостояния была еда. А это так пошло и низко: оценивать всё рулонами ткани, батонами колбасы и одеждой из-под прилавка...

Причем нужно отделить «утюгов» и филофонистов от детей чиновников, едущих за границу и в силу этих обстоятельств спекулирующих вещами. Да, всю «фарцу» загоняли под одно определение спекуляции, из-за массового спроса у населения на все. При этом сам изначальный смысл термина терялся. Люди хотели выделиться из толпы, да и просто по-человечески выглядеть. Это серое стадо, которое уныло и обреченно гоняло с работы домой и обратно, добивало любую живую мысль. А охотники за вещами разнились по интересам очень сильно. Это потом уже все подряд стали но-

свить «чухасы», и надо было искать себе нечто другое, а на конец семидесятых таких людей были единицы; если они носили джинсы, то наверняка слушали модную музыку. Так и определялось единство духа. Есть тусовка солдатская, а есть генеральская, соответственно, при лампасах и своих интересах. Нужно было обозначиться, и это делалось через одежду, которая стоила безумных, по советским меркам, денег. Тогда же появилась такая красивая легенда про то, что когда молодые люди появятся на Красной площади, – значит, революция не за горами. Правда, если сравнить с фотографией укуренного Пола Маккартни с Путиным, легенды можно насочинять любые.

Когда я вернулся из армии при «Кучере» (К. У. Черненко), то, конечно же, попытался максимально долго просачковаться от работы. Уже пришел с пониманием, что свою жизнь я буду строить, как подводная лодка, – чтоб не могли запеленговать. Как у Высоцкого. Все на независимости, чтобы не было искушения делать подлости за деньги, то есть надо было быть материально обеспеченным.

Но, чтобы не попасть под статью о тунеядстве, пришлось устроиться грузчиком в магазин. При этом статья за тунеядство висла дамокловым мечом над молодежью, и, кстати, эта боязнь сближала. Так мы познакомились и сблизились с Джоником. А работа была такой: ночь работа – два дня дома. При этом было упомянутое нагибалово с едой; и когда я с

работы приносил ящик сгущенки, мой сын складывал банки в пирамиду и говорил: «Папа, какие мы богатые...»

Вот вся эта ботва в виде сгущенки и тушенки приравнивалась к богатству! Воровство в той среде было притчей во языцах и даже попадало в кадры советского кинематографа. Грузчики, они же водители, они же экспедиторы получали семьдесят рублей (!). Это были люди взвешивающие, доставляющие и материально ответственные люди. Вот настолько была червивой эта система, позволявшая воровать продукты, за которые приплачивали советские граждане. Семьдесят рублей, а остальное- воруйте сами. Зарплата тоже выдавалась продуктами. Помню, я еще не врубался, когда мне предлагали «колбасу докторскую, спецзаказ». Только потом я понял, что при одинаковом названии продукты в заказах и на прилавках отличались. При этом на зарплаты жить было невозможно, и население изгалялось как могло. Я тогда стырил из армии черный бушлат; еще у меня были черные стертые вельветовые джинсы, и перед самым дембелем мои очки выглядели как у Коровьева из «Мастера и Маргариты».

М. Б. Кстати, а почему «Окуляр»?

С. О. Этот позывной дал Герман по фамилии Зац. Я тогда этого не знал, и он проходил как Жора. А Германом его назвал, потому что он был фанатом Judas Priest. И это как-то сходилось. Джудас – Прист, Герман – Зац. Ты же знаешь эту тему по поводу фашистских раввинов и конфедератских негров?

М. Б. Конечно, Фима из красногорских металлуг и Миша Ложкин с Нежданова...

С. О. Вот. Филофонистов уже гоняли вовсю, и когда разогнали все первые «кучи», некто Борода организовал клуб филофонистов в Химках. Когда меня увидели в этом клубе с кучей рекордов под мышкой, все просто сползли по стенкам. Все подобные диски уже осели по коллекциям, а я припер все старые доармейские диски. Очков у меня не было, и мне их тогда подогнала жена Вити Поручика, который позже уехал в Германию. Диоптрии совпадали, но они были черные. И вот я в этих черных очках, черный силуэт на белом снегу. Человек в футляре, с пачкой рекордов. А на лице очки выделялись так, что все, кто увидел это, стали показывать пальцем и кричать, что мол-идут окуляры... Вот так «окуляры» или «очки» и закрепилось за мной. Если бы я просто пришел, то, наверное, никто бы не удивился, но я припер с собой мешок пластов и отдавал их задаром, потому что хотел новинок до изнеможения. За два года моего отсутствия произошли глобальные изменения, всякие «Айрон Мейдены» уже понавыпускали по две пластинки. Эдуард Ратников, тогда уже ушлый мальчонка, мне, туповатому после армии, подсказывал, что катит, а что устарело. При этом все купленные пласты он, конечно же, получал на запись. Например, подбегает ко мне с Twisted Sister; я, конечно же, говорю, что мне эта баба крашенная не нужна, а он – какая баба? Бери, Серега! Это мужик – супер!.. Своему увлечению нужно бы-

ло соответствовать, и конечно же, хотелось «кожушок», как я его называл. Потому что, если бы я не купил «косую», то я был бы таким же лохом, как и остальные филофонисты. Черная кожа с кровавым подбоем... помнится, я очень сильно огорчился, когда у меня такую цинично перекупил Андрейка Кисс.

Наряду с пластинками широким фронтом растянулась торговля иностранными музыкальными журналами. Metal Hammer в 86-м году был дико популярен. Цена на него резко подскочила сначала до ста, потом до ста двадцати и ста сорока рублей. Удачно купленный журнал мог быть разобран и перепродан, принося прибыль равную еще одной сотне. Были еще и фотографии, переснятые и продаваемые в школах по пять рублей. При этом стоит отметить, что позывные у людей часто давались по их музыкальным пристрастиям или именам музыкантов. Эдик был Саксоном, Дима-Саббат. При этом если кто-то уже застолбил какое-то название типа «Айрон мейден», то человек принимал позывные Диано, как Сережа. А у меня, как Герман Зац сказал «окуляры», так и пошло. Популярность тогда уже была такой, что по тусовке ходили всякие небылицы, пусть я этого и не делал. Все субботы были комковые, не пропустил практически не одну. Жена обижалась, но потом свыклась с моими мелкими радостями. Когда клуб филофонистов закрыли, толпы стали организовываться сами собой. Я почему их баранами называю – потому что, как привыкли к одному стойлу, так и продол-

жали ездить. Когда их стали менты разгонять, вся эта толпа просто на одну остановку переехала, к НАТИ, и опять стали толпиться.

Была еще серия переездов по подмосковным ДКашкам, где местные руководители сшибали легкую деньгу, продавая билетки, которые не стоили больше десяти копеек, по рублю. В фойе этих заведений обычно ютились местные клубы филателистов и нумизматов; там местные старушки, разложив веером свои коллекции, разводили пионеров на имущество их родителей. Меломаны, они же барыги, они же «утюги» – все разные люди, объединенные разными интересами, набивались в эти помещения как шпроты, и было их очень много. Тут же появлялись какие-то сопутствующие товары. Местные шашлычки отоваривались по полной.

Стоит отметить, что атрибутика никогда не возникла бы у фанатов Pink Floyd: там в ходу были разве что фенечки и ксивники. А вот металлисты и отчасти панки привнесли в это движение зачатки индустрии уличной моды. Ходить в американистских вещах было западно, и нужно было обязательно иметь что-то свое, как можно более угрожающее. Все же стояли на асоциальных позициях. Люди умудрялись отрывать от чемоданов и школьных сумок клепки и делать из них кому чего хватало: кто ремешок, кто напульсники. Я помню, у нас в школе в районе 86–87 годов была охота на клепки: прокрадывались детишки из соседних школ и дербанили сумки подростков. Именно на напульсники.

Начало заклепывания Москвы началось именно с меня. Первые пирамидки, как у Хасло, из которых я делал напульсники, впоследствии принимала Ольга Опрятная на комиссию. Значки были обязательны. Если фанат, то будь любезен, носи «блюдце» своей группы, чтобы всем остальным было все ясно. Я поставил это дело на поток, и оно приносило деньги. Тогда ходили каламбуры «идет Очки, несет значки».

Проработав грузчиком, я заметил первые кооперативные шевеления, это было в 86-м году. Тогда же закрылся мой магазин, но меня перевели сторожем в Универсам, в котором появилась пленка упаковочная. Вот тут-то она и пригодилась. В ход шли фотографии из журналов, советские значки и эти пленки. При этом коробка с Брежневым, ранее служившая под пластинки, теперь пригодилась под значки. Реакция милиционеров оставалась неизменной. Когда на вопрос, что у тебя в сумке, им демонстрировался Брежнев, менты разве что честь не отдавали... Вся эта брежневская фигня стоила девяносто три копейки: четыре «летающие тарелки», которые можно было пустить с балкона в неизвестном направлении. При этом в чудо-коробке никогда не мялись углы конвертов. А тогда, в 86-м году, пошел мощный приток нового поколения и сразу образовался обширный круг знакомств. До армии мы ходили единицами, а когда я вышел, молодежи уже были толпы, причем разница у нас была в шесть-семь лет. И они все уже сами начали между собой завязываться, а пластинки стали коммуникативным звеном в общении.

Тогда я все же нашел себе кожаную куртку, оббежав все комиссионки Москвы: красный подбой, zipper как надо, стоила она четыреста тридцать рублей. Моряки мурманские ходили в ондатровых шапках и тоже в подобиях косых, но zipper там были никакие. Металлисты у них перекупали за те же четыреста рублей. Купив косую, к ней, конечно же, полагались значки на отвороты, а кому и клепки. Были еще югославские куртки из кожзаменителя с полосками на рукавах. У них потом весь этот заменитель шелушился, и они превращались в тряпки. Чуть позже и эта часть индустрии была поставлена на поток, и каких только людей я ими не отоваривал. Музыканты были почти все. Производство коснулось и ремней, и напульсников. Поначалу квадратные клепки «пирамиды» вовсе не получались и приходилось делать проекции и пропаивать швы. Напульсники были очень легкими. И за ними тоже потянулись разные люди. Однажды из тюрьмы вышел Алексей Романов из «Воскресенья», его прижучили в андроповское время; и вот на волне хеви-метал ко мне обращается этот человек за классическим напульсником. И я без всякой задней мысли ему по телефону забиваю встречу и спрашиваю: «А как я вас узнаю?» Чувак роняет трубку, а я только потом начинаю вспоминать... Так, Романов, что-то там в «Комсомольской правде» было про «Землян» и спекуляцию аппаратурой... И я врубаюсь, как же я обломал человека: только вышел из тюрьмы, решил приобрести к субкультуре – а она уже изменилась настолько,

что, мало того, без прикида уже не выступают (Валера Гаина тому прямое доказательство), да еще и не знает никто...

Когда начались движения с клепками, тут же появились конкуренты, которые думали: а чем мы хуже? Паук, у которого «мерканто» стояло на первом месте. Деньги, Девки, Дурачье. Три «Д» – трехмерная реальность советского подростка... Но это были несерьезные подделки. Пионеры юные, головы чугунные. Окуляр уже был бренд, а Паук где-то оптом заказал чемоданные клепки и продавал их поштучно по пятьдесят копеек. Не было ничего, и поэтому уходило все. А у меня уже был налажен канал на заводе в Горьком.

Потом это все тоже вылилось в нездоровую ситуацию, когда те же самые «партнеры» из Горького, столовавшие в нашем доме, позже навели какое-то «бычье», сказав про дико дефицитную в ту пору вещь- видеоманитофон. На тот раз пронесло, друзья выручили.

Армейский друг, Валерий Жемуляев, с которым я поддерживал связь, помог доставать железо с какого-то полигона под Рязанью; он приобретал, конечно же, за бутылку у прапорщика патроны в патронташах. У меня хватило ума дербанить эти ленты пулеметные, они шли на пояса и напульсники. Ленты были широкие, кончики у трассирующих патронов были разноцветными, и люди ходили по метро с настоящими боеприпасами!.. Блин, как нас тогда не посадили, даже не знаю. Был еще один пассажир, который немного картавил. Тот приходил и предлагал «Купите гданату, купите гда-

нату». Ведь если на патронташ повесить себе еще и гранату... Подросток из ПТУ мог чувствовать себя самым настоящим главным и опасным металлистом...

Однажды толпа, обмотанная этими патронташами с настоящими учебными гранатами, возвращалась с НАТИ, и какой-то милиционер «пенек-ванек», догадался всех тормознуть. Сам представь: ржущая и шумная толпа идиотов, увешанная боеприпасами и разодетая в футболки с адскими рисунками и иностранными надписями на советском перроне в 85-м году! Милиционер нервничает, хватается за пустую кобуру, кричит: «Лежать, стоять! Кто разрешил?» Ну и тут, как ты сам помнишь, начинается опускало. Задвигается телега про то, чтобы он шел на фиг, что мы из кино, и вообще...

Наглость и задор были непременным атрибутом неформального московского фольклора, а особенно в конце восьмидесятых. Если в начале нагтели только утюги, причем достаточно интеллигентно, то эта категория лиц делала все с откровенным, все уничтожающим цинизмом, который на какой-то момент стал визитной карточкой московских неформалов.

Да, была такая форма артистизма на грани фола, но все были настоящими артистами и несказанно убедительны. Так и в том случае обескураженный и запутанный милиционер начал перебирать в голове мыслеформы: таак... кино, нафиг... значит, кто-то разрешил... Ну типа идите, только не шалите ребятки... Можно отметить, что металлисты сами по

себе разнились; как-то само собой получилось, что модные металлисты 83–84 года, слившись с молодежными массами позднего периода, образовали модные тусовки, а восемьдесят процентов всей массы были откровенными урелами, которых сторонились и по возможности отшивали.

Когда я купил кожу, то сделал это, понятное дело, не для того, чтобы показывать ее лохам, а для родственных душ. И тогда Герман Зац рассказал мне по секрету, что наши люди собираются в «Яме», то есть в «Ладье». Надо было расширять круг знакомств и нести культушку в массы. Вот. Когда мы там появились, отпали уже местные посидельцы. Я в косой, Герман в косой. На 84-й год это действительно было круто, и нам был сразу же оказан почет и уважение. Шалман был еще тот. Сводчатые потолки, обшарпанные столы, чад. Посреди этого где-то стоит Паук с кассетным магнитофоном «Весна», у которого отломана крышка, и оттуда какой-то «файер». Люди были одеты, кто в чем. Местная тусовка разве что не падала ниц, увидев людей, как будто сошедших со страниц иностранных журналов. Единственное, что портило мой суровый имидж — это очки. С того момента все рамсы стали на свои места. Паук тогда был сыном профессора истории, абсолютно безграмотный, но очень драйвово и задорно бредил и гнал. Деньги почему-то всегда были только у меня, и пришлось проставиться на всех, чтобы общаться на одном градусе. Сергей Троицкий был настолько безграмотен, что когда вышла реклама его концерта, «кор-

розия» была написана с одним «р», а «металла»— с одним «л»...

Паук тогда устроился дворником, и ему доверили ключи от подвала, где и состоялся пресловутый концерт. Никогда я этот концерт не забуду. Собралось тогда человек пятьдесят металлигов и столько же каких-то хиппи. Причем первый, кого я увидел, был какой-то юродивый на костылях. Как потом выяснилось, чел, известный в хипповской среде. Наташка Троицкая, царствие ей небесное, сразу со мной задружились, пошло рубилово. Где-то на пятой песне вламываются менты; один выходит на сцену и врубается свет. А Паук ничего не видит из под опущенного хаера и продолжает чесать. Морг, который был барабанщиком, уже перестал стучать, а позади него висела простыня с надписью. Мент подошел, сорвал простыню, а за ней оказалась огромная голова Ленина на багровой тумбе. Красные уголки были даже в подвалах... Всё уже вырубил, все встали и ждут винтилова, а Паук продолжает строчить, ничего не понимая. И только когда его за плечо дергать стали, он врубился, что происходит. Развозили всю толпу по разным отделениям, где состоялись нравоучительные беседы и все были взяты на учет.

Тогда я уже был знаком с Пузом, который меня поразил тем, что, будучи пятнадцатилетним, выглядел как двадцатилетний. Грубо говоря, был представительный мужик с бородой. Прямо как Дугин сейчас. Это типично российская черта для российского менталитета: относиться с почтением к

представительным людям.

Дима, несмотря на грозный вид, был очень сентиментальным человеком. Был такой случай в городе Новосибирске во время гастролей какой-то группы, когда Дима шел, передвигая свои толстые ноги, и увидел медведя в клетке. И ему так жалко стало этого медведя, что он, насмотревшись на зверюгу, взял да и выпустил его на волю. А у медведя когти как вилы, и дрессировщик отдолбил за это всех музыкантов. Каждый год у Пузатого были дни рождения, на которые собирались люди, имена которых потом звучали в неформальном мире Москвы.

Саббат, царствие ему небесное, был настоящим генералом металлистической тусовки. Ему было по барабану все. Он и его товарищи, в отличие от моего поколения бздяво-го, ничего не боялся. И было это поколение настолько отвязанное, что костяк боевой формировался быстро, а вокруг него формировалась аура из людей помельче. В 86-м году, пообщавшись на «куче», люди вовсе не хотели расставаться и стали искать еще одну площадку для общения сугубо под свои интересы. На «кучу» стекалось очень разнородное население, от барыг до «кручу-верчу-обмануть хочу» и кидал, которые курсировали в поисках «пионеров». И вот нашелся такой пивняк по ленинградской линии, который на языке подростка-металлиста назывался «Квайт Райт», и в котором уже тогда собиралось по сорок рыл. Что там нужно подростку- две кружки пива и драйв-приключения. И вот когда про-

стые работяги, кидающие в пивные автоматы свои двадцать копеек, честно работавшие на заводе на протяжении сорока лет и уже к тому времени решившие, что ничего в этом мире изменить нельзя... Они, встретив эту шоблу, начинали тихо пятить и чуть ли не на месте тихо умирали с мыслями: все, Армагеддон... Появление этой толпы на улицах Москвы уже меняло ситуацию, смещая вектор восприятия у населения. Выходило, что, оказывается, можно собираться больше трех человек и веселиться не только в специально отведенных под это местах. При этом уже тогда начинали появляться на подобных мероприятиях люди из общества, которые впоследствии продолжали появляться на всех тусовках, вплоть до президентских банкетов. Вот так и формировался тот самый костяк, о котором нынешние неформалы знают только легенды.

Костяк в каком-то смысле – элита. Это были люди, которым музыка была очень важна, и они знали, зачем. Поэтому формировалось свое местное понимание всех процессов, своя мода; и всех объединяла преданность к стилю, которая интерполировалась на отношения. А когда появляется элита, вокруг нее сбивается масса поклонников уже не музыки, а этих людей, что само по себе абсурдно. Та тусовка была волшебной и вовлекала в свои перформансы все окружающее население всех возрастов. Когда ко мне приезжал тесть, ветеран войны, который жил в Литве, я, когда его провожал, всегда надевал на него два напульсника и следил за реакцией.

И вот когда в метро ветеран в коричневом костюме сел, пиджачок в локотках слегка задирается, и напульсники вылезают. Два напульсника-трехрядки, как у Роба Халфорда. Люди, сидевшие напротив, сначала не понимали, что происходит. То ли это ветеран – металлист, то ли ветеран чуть ли не СС. Это сейчас напульсником никого не удивишь, а тогда металлисты были настолько демонизированы советской прессой, что приравнивались к фашистам, и молодежь из вредности подыгрывала этим слухам, надевая фашистские пряжки и футболки с Гитлером. Реакция людей была сначала настороженной, а потом все понимали, что это клоунада и начинали улыбаться.

Или мы поднимаемся на «Кузню». Впереди представительный Пузатый, а я сзади, пенснурик-очкарик, на которого никто не обращает внимания. И вот когда едешь по эскалатору, лица людей спускающихся, вытягивались и челюсти отпадали. Для этого, в принципе, и наряжались. Чтобы сместить градус в сознании окружающих. Им было так скучно и тошно, что наше появление вселяло в сердца смешанные чувства. К тому же устраивались «психические атаки» на гопоту, когда металлисты выстраивались и стройными рядами смещали советские людские потоки с улиц. При этом подростки стали равняться на подобное поведение, на которых наша тусовка оказывала гипнотическое действие. Начался процесс раскрепощения не только у металлистов, но и у остальных субкультурок. Ненависть к коммунякам пере-

полняла сердца многих; дело даже не в строе, на изменение которого никто не надеялся. Были люди, которых время от времени клинило и они повторяли: «Брежнев велел, и мы будем такими быть», но это были кратковременные всплески коммунистического бреда. Комсюки старались окучивать молодежь, но им уже никто не верил: по городу кружили отряды комсомольцев оперативников, и все понимали их истинную сущность и предназначение. Это были неискренние люди, разрывавшиеся между карьерой и удовольствиями.

При этом двойственность эта шизофреническая. Она до сих пор присутствует. На работе люди делают вид, что они радостно к чему-то стремятся. А после работы все собираются на кухнях и ругают руководство. И эта параноидальная тяга к обсуждению политической ситуации в мире и стране...

Что говорить, если простые русские люди не могут определиться, за кого они – за евреев или за мусульман. Те друг друга крошат, а здесь за это морды друг другу бьют в застольях. Это если учесть, что половина Израиля – наши люди из Москвы и Новосибирска, читающие Пушкина влет. При этом позиция русских, которые за интифаду – при упоминании чеченцев они говорят: «это, конечно, да... нужно давить, мочить и т. д.» Никакой логики у взрослых, кончивших престижные вузы, граждан.

Я вообще, когда стараюсь говорить о явлениях, имею в виду всю планету, как в случае с недалекими людьми. Процент таких несомненно больше в Африке, чем в России, но да-

же здесь понимали: что-то надо менять. Единственные, кто этого не понимал, были инспирированные ментами любера. Гопота, которой изначально ничего не светило, и единственные светлые воспоминания которых касаются того, как они гасили металлистов. Из этого круга в люди выбились единицы; то самое исключение, которое подтверждает правило. Серые затравленные людишки, которых даже по-человечески не жалко.

Я тогда жил возле ДК АЗЛК, где в 86-м году проходили концерты «Арии» и «Черного кофе». Там-то и начали выстраиваться плотные ряды любителей, дабы отдолбить металлистов, которые, прорываясь с боями, давали стрекача к троллейбусу, который шел прямо до моего Универсама. Тогда уже я плотно познакомился с Саббатом, у которого дома проводились тусовки, и его мама, которая работала в ВОХ-Ре, пригласила меня перейти к ним. То же самое, только разгружать не надо. Все тогда так пристраивались. Хиппи работали метельщиками и сторожами. Пузатовская мама была очень колоритной женщиной, которая знала весь центр и его андеграунд. И если бы Гиляровский жил в это время, то собирал информацию он именно по таким людям. Вот примерно такая она была. Бухала очень зажигательно, Димку любила отчаянно, а ко мне из-за возраста и очков испытывала благоговейное уважение. Жили они в коммунальной квартире, которая была пустой. Две комнаты занимала семья Саббата, а все остальные пустовали. Мама пускала жильцов и могла

себе позволить «первозтажный» бизнес алкоголем. Что там говорить... ГЭС номер один на улице Смедовича. Папа Пузатого ушел из семьи в силу буйного нрава; в квартире оставался Дима, мама и компания: Рус, Влад, Меселевич, Ким Ир Сен, Кот, Монстр, Гриша Фары Гары, Коля Нос, Батлер, Диано, Сакс и Саксон, Лебедь – люди, составляющие основу концертных тусовок.

Вот, пригласили меня в охрану, и я с радостью согласился. Там я продолжил свою «разлагательскую» деятельность. Все эти праздные безделья и тупое времяпрепровождение могли быть взорваны только благодаря людям, владеющим слогом. А если попадался такой человек, как Гарик, который мог в четыре строчки уложить такое, что может стать эпитафией к любому школьному сочинению, то это было уже революцией. Что, собственно, впоследствии и подтвердилось. Совокупная черта нормального тусовщика-радикала восьмидесятых: эрудированность, интеллектуальность, владение словом, ироничность восприятия и мощный драйв. Причем, все сразу. В эту охрану набрались одни соседи, неформалы. Тот же Джоник, который жил на «Кузне», появился как звезда на небосклоне местной ГЭС. Там же, на первом посту, когда директор этой самой ГЭС, чувачок с трудно выговариваемой фамилией чуть ли не с двумя согласными на конце, устроил сауну с бильярдом; туда подвыпившие генералы любили неформально заглядывать. И вместе с ними я, к своему удивлению, встречал Марочкина – и до сих пор не понимаю,

какая между ними могла быть связь. То, что Марочкин сейчас пишет про рок-культуру, мне, если честно, все равно. Но когда такие люди рядятся в рок-н-рольные тоги – это просто смешно. На адекватное понимание со стороны этих людей рассчитывать бесполезно. Дети тоже вольны читать любые книжки; но если человек debil и воспринимает все написанное как аксиому – это клиника. Джоник, у которого была ярко выраженная аллергия на комсомольцев, на дух не выносил Марочкина и устраивал истерики по этому поводу. Джонику все было пофигу не меньше, чем всем, и он в своих сомнамбулических состояниях очень забавно смотрелся на всяческих построениях. Причем Сережа Джоник не брезговал ничем, был всеядным, кайф для него значил в жизни многое. Помнится, как он то втюхивал сапоги Гариновским французам, выдавая их за офицерские, то участвовал в роли вокалиста группы «Кепка», к которой относился несколько скептически. Слуха не было никакого, но Джоник любил кривляться перед зеркалами так, как не мог ни Игги Поп, ни Мик Джаггер. В этом он был, конечно же, чемпионом. Так же, как в способности проехать на такси через весь город, заплатив таксисту пятьдесят копеек. Таксисты немели от артистического гипноза... Гарик Асса возился с Джоником, который был женат на Насте, внучке какого-то известного писателя, и в чем-то рассчитывал на него. Но Джоник был как кошка. Которого нельзя приручить, и он всегда будет сам по себе.

Джоник тогда выписывал «Известия», в которых печата-

лись курсы валют, и был в образе матерого «утюга». При этом стоит отметить, что иностранцы, имеющие в кармане сто долларов, чувствовали себя в нашей стране Крезами. Обед в ресторане стоил всего три доллара, что уж говорить об остальном. Этим можно объяснить большой наплыв иностранных туристов в конце восьмидесятых.

Наша работа превратилась в клуб веселых и находчивых. Жены наши кучковались, дети мои с Джоником тоже были примерно одного возраста и часто как протоны с позитронами носились вокруг станции метро «Новокузнецкая». А на «Кузне» собираться стали потому, что центр и все жили и работали рядом. Это потом уже стали подтягиваться тусовщики всех мастей, и «Кузня» стала особым культовым местом. Кузница кадров, уж простите за каламбур.

Я сначала был один такой; потом пришли Пузо, Джоник Фриля и некто Желдак, который жил в «доме на набережной». Я, кстати, тогда уже понял, что революции пожирают не только своих сыновей, но и всех чуть ли не до седьмого колена, когда увидел сына Куйбышева во дворе этой высотки. Стоял такой долговязый дядечка возле песочницы, вывалив язык. А Коля Нос, живший в этой же высотке, почему умер? Тоже потомок революционеров, у которого случалась падучая, и на рубеже девяностых он умер. Коля Нос был интересной фигурой, он серьезно повлиял на Гришу Фары-Гары, который из металлиста перекрасился в фаната The Cure. В той же высотке жили два брата-француза, «Жан-Вольжан».

Причем один служил в русской армии, а другой во французской. Смешанный советско-французский брат привнес и сюда двойственность: один был фанатом Франции, другой – «совка». И было у них огромное количество всяческой фигни – от фашистских пряжек до всяких фенечек, которые оседали на широкой груди Димы Саббата. Коля Нос всегда относился с трепетом к различным легендам, и когда я ему сказал, что у меня есть нож, который делали какие-то именитые зеки, он прямо дрожал, когда брал его в руки. Он был настоящим романтиком, но, к сожалению умер в восемнадцатилетнем возрасте. При этом у него была сумасшедшая бабушка, которой казалось, что ее обокрали, и она спрашивала у Носа: «Коля, а почему на Грише твои часы?» «Бабушка, это не мои часы...» «Как? Уже не твои?»

При этом Гриша Фары-Гары был ярким примером той самой «высотчины», о которой я уже говорил. Только, в отличие от Владимира Семеновича, он был настоящим уличным беспредельщиком с мощным зарядом бодрости и задора. Когда я его в первый раз увидел, он был в детдомовском пальто (а он детдомовцем и являлся), но манеры, которых он поднабрался в процессе общения с металлистами, делали его неотразимым в различных спорах, которые часто заканчивались потасовками. Настоящий артист, жадно тянувшийся ко всем проявлениям всего живого.

В нашу охрану Колю не взяли. Крайней степенью инвалидности, пригодной для работы, проходил Джоник, от ви-

да которого у начальника охраны Мошкова случался ступор. А у этого Мошкова была лысина, вокруг которой он укладывал кренделем редкие волосы. И вот когда посреди ночи звонило высокое начальство, этот крендель разворачивался, и волосы вставали дыбом. Такого ирокеза не было ни у Алана, ни у Ганса, ни у тебя. Джоник не даст соврать... Гриша, когда это видел, просто падал от смеха со скамейки. Этот восьмидесятилетний старичок разговлялся на седьмое ноября и тонким козлиным голоском тянул советский гимн сталинской интерпретации. А по радио уже крутили Минаева и раздавались спичи про перестройку. Кстати, я всегда считал, что русский народный панк был актуален именно по той причине, что основное население СССР составляли настоящие панки, а мы всего лишь их передразнивали...

Возможно потому, что я был в очках, мне в какой-то момент выдали разрешение на ношение оружия и приставили к перевозке зарплаты. Одели в униформу и сунули в руки трухлявый мешок, набитый синими пачками с пятерками. И я вместе с парой женщин этот мешок перевозил. Однажды в лифте у меня сползал с плеча этот заплатанный мешок, я его подкинул, чтобы он лег поудобней – а он возьми да и рассыпья. Представь себе картину: набитый какими-то людьми лифт, я с женщинами, и все завалено пачками с пятерками... И работал я так вплоть до отмены статьи за тунеядство в 88-м году.

Возвращаемся к неформальной хронологии. С 86-го года,

с постепенным нарастанием, стали проводиться концерты и всякие фестивали. Подольск, АЗЛК. Появилась очередная масса новых людей, которые посещали эти концерты и не понимали, к кому бы прибиться. Я имею в виду всяких «Гариков», «Склярлов», «Пауков». Все они ходили вокруг тусовки со своими дудками, пытаясь обратить на себя внимание. Я всегда относился с уважением к людям, которые в тот период хоть как-то несли свои головешки в общий костер, вокруг которого оттаивала перестроечная молодежь. При этом если бы мне был предоставлен выбор из этих персоналий я, конечно же, выделил бы Паука. Но если всем остальным музыкантам эпохой дан шанс на какое-то там просветление и перевоплощение, то, возможно, именно Паука ждет разочарование.

Позже власти попытались поставить под контроль всю эту разбушевавшуюся молодежную толпу и открыли Рок-лабораторию, которая организовала концертную площадку в Горбунова и рок-магазинчик в Старопанковском переулке.

С Димой мы ходили как нитка с иголкой. Где бы ни был я – там же был и Пузатый. Когда комсюки налетели на Пузатого и начали мочить... Диме тогда лет шестнадцать было, и комсомольцы увидели на нем пряжку с орлом. Все тогда еще детьми были. Думали о чем-то своем меркантильном и вписываться побоялись. А те с криками: «Наши отцы за это кровь пролили, все, тебе сидеть!» – давай его окучивать. После эпизода Гриша Фары-Гары, еще не будучи бога-

тырской комплекции, подошел со слезами на глазах к Саббату и сказал: «Ну почему я такой не сильный? Я бы их...» Может быть, все эти факты и сыграли свою роль, когда подростковые организмы развернулись на полную мощность и комсюки получили по полной.

Был еще эпизод. Как-то усугубив литру, сидючи на поляне у костерка, пока рядом проходила облава... Вроде все, шум утих, и мы стали потихоньку выходить – и вдруг какой-то одинокий мент, увидев нас с расстояния километр, истошным голосом закричал: «Стоять!» Ну мы, естественно, дали деру: отбежали, стоим, переводим дух и беседуем, мол, вот ведь увязался за нами, дурачок. А этот дурачок, какими-то лесными тропинками тут же и появляется. И опять ноги, а все нагруженные какой-то лабудой. Бежим какими-то тропками и вбегаем в какой-то пригород, где махнувшие портвейна мужички с красными мордами режутся в футбол. И милиционер, придерживая рукой фуру, вбегает за нами с криком. «Дер-жи фа-ши-ы-ы-стов». У мужичков, конечно же, переклин от такого ярлыка, и эти репы с красномордыми дулами помчались за нами. Бегу, только слышу: «Ду-дум»-кого-то подковали... Дыхалка от такого спринтинга дохнет, а второе дыхание все никак не откроется. Летит на меня какой-то кабан, а я одетый в рубашечку клетчатую и джинсы, ему навстречу руку и говорю: «Стой, стой, стой!» Как в фильме, где Ролан Быков спас Вицина от какого-то бугая, поболтав его на пьяные танцы и удалив из зала. Говорю:

«Ты сам-то посмотри, какой я тебе фашист-то?» А у бугая уже рука на замахе. «Ну что ты бежишь, как дурило? Тебе что не скажи, а ты и бежишь». И смеюсь. Короче, у мужчины мозги на место стали. Но отпускать никого не стали, и опять как в кино. И как уже в другом фильме, «Операция Ы», нас скрутили и повели в отделение, а вся толпа мужичков шла сзади- чтобы мы не сбежали. Сознательные граждане ведут патлатых фашистов... Приводят в отделение, изымают альбом Led Zeppelin, где Пейдж в куртке со свастикой, и альбом Kiss: так, все сходится. Фашисты. Причем то, что две трети Kiss – евреи, а все тексты довольно-таки примитивные, про любовь, дружбу и жизненные ситуации, во внимание не берется.

Да, ярлык фашистов закрепился в большей степени за металлистами, чем за панками. Это уже позже страшное для советского сознания слово интерполировалось на всех неформалов. Kiss и AC/DC сделали свое дело. Можно сказать, что эпатажные элементы графического дизайна в виде молний, воспринимавшиеся на Западе адекватно, в СССР стали разменной монетой для совковой пропаганды и анекдотом в неформальной среде. Никто не понимал, зачем с таким упорством комсомольцы и комитетчики себя выставляют идиотами, но с удовольствием им подыгрывали. Была даже выпущена под эту тему смешная футболка: на одной стороне Гитлер, а на другой надпись «Адольф Гитлер- европейский тур», сделанная по типу дизайна, которым обозначали музы-

кальные туры – за разницей, что города и даты были другие. Очень смешная футболка, которая приводила в ступор комсомольцев и поэтому ходила по рукам тусовщиков. «Семнадцать мгновений весны» внедрили в сознание граждан элементы дизайна. Причем в список фашиствующим запрещенных групп попадали и Pink Floyd за упоминание Афганистана, и Stray Cats. Это ж насколько надо было не париться с переводами текстов, чтобы до такого додуматься.

Это еще ерунда! Когда вышел легендарный список запрещенных в СССР групп, туда попали не только группы, но и названия альбомов и даже позывные – как «Рыба», гитарист «Кино». Этим списком комсюки себя приговорили и вошли в историю полными идиотами.

М. Б. Так, с фашистами все понятно, а как объяснить людям про мрачную эстетику и псевдосатанизм?

С. О. По большому счету – так же. Никому в голову не приходило, что Советский Союз – страна безбожников, где атеизм культивировался, а религии находились под прессом так же, как и неформалы. Был такой человек Электроник: Слава Электроник с белыми кудряшками, как у персонажа из фильма; он ходил на толпу с огромной немецкой овчаркой, у которой на шее висел перевернутый крест. Slayer, не меньше. Все, опять же, через эстетику моды и тяге к асоциальному поведению. Фашисты, сатанисты, ироды и так далее...

Все атрибуты перекочевали со страниц журналов; никто

не втыкался, почему кресты перевернуты, зато перевернутые звезды ассоциировались с крушением «совка». Вот человек на фотографии: ага, хочу также. Поведение радикальное, значит, атрибутика должна быть ужасающей. Возможно, потом, когда появились первые секты, многие бывшие хиппи повелись на эту дурь. Ганс по совету какой-то девушки пил свекольный сок. А когда начался металл, все быстро пресеклось. Ходил в шинели без регалий, на спине которой была надпись DP. Но при этом именно Сергей сделал для тусовки больше, чем сами металлисты. Он помогал выбирать места для «куч» и вообще вел активную жизнь и был коммуникатором. Гансов было много, но Сергей Ганс, он же Аэропортовский, был всем гансам Ганс. И после шинельки пошли уже кожзамовские курточки с множеством молний на груди, рукавах и спине. Были они разноцветными, иногда даже кожаными – и было на них аж сорок восемь молний. Миша Ложкин, будучи еще брейкером на Арбате, отоварился именно такой. Куртка была прямой, но на пенсионного возраста старушек такая куртка наводила ужас похлеще, чем кося. Причем нужно отметить, что даже в лютые морозы люди держали фасон, в этих курточках и маечках. Возможно, в своих старческих фантазиях бабушки так и представляли себе Апокалипсис.

Ладно сатанисты, а что было с гомосеками, которые примазались к движухе, и в какой-то момент кожаные куртки ассоциировались исключительно с гей-культурой? Тот же

Эдик Ратников, будучи в Германии, пошел в бар за сигаретами и с удивлением обнаружил, что в гей-клубе (а это по случаю оказался именно гей-клуб) он был принят за своего и быстро ретировался... У него тоже была кожаная куртка и кожаная восьмиклинка с цепочкой.

Да, надо было смотреть внимательнее зарубежные фильмы, где неформалы уже подавались как приверженцы гей-культуры. Тот же Mad Max 2, рассмотренный более внимательно на хороших копиях в девяностые, сильно расстроил местных панков. А металлистов стебанули в «Полицейской академии», где бар «Голубая устрица» был наполнен женоподобными качками в кожах и фуражках. Но то была комедия. Да, на задворках памяти этот фильм отложился. Металлисты там были знатные. А советские подростки тогда во все это не врубались. Гомосеки были в глубоком андеграунде и косили под инженеров и студентов. Когда чувак с трапецией в плечах, затянутый в кожу и со всякими там средневековыми фиغнями – конечно, это выглядит мужественно. А педам только этого и надо; позже эта тема хорошо поперла за границей, но не у нас.

В тот же период начался милицейский прессинг на филофонистов. Милиционеры уже заранее устраивали засады, и я выступил инициатором перемещения тусовок. Мы с Гансом ездили по Павелецкой дороге, выискивая места, где все это можно разместить и, что самое важное, быстро свалить. Самое дальнее расстояние, где приходилось собираться, было

на пятьдесят четвертом километре. Если менты узнавали и делали засады, места дислокации тут же менялись; при этом все звонили мне и договаривались о новом месте. Я понимал, что если толпу закроют совсем (а цели у ментов были именно такие), то закроется целый пласт общения.

Иногда собиралась толпа, и место назначения менялось прямо на месте. Засады не успевали сворачиваться и разворачиваться. Самая же крутая облава была в Новоподрезково. Милиция нагнала десятки автобусов, леса прочесывал батальон с собаками. Прямо как в кино про эсэсовские зачистки. Бедные филофонисты сползали по насыпям, теряя пластинки и вещи, менты бегут, собаки лают. Металлисты скрывались по поселкам, стучали в двери:

«Бабушка, приюти!» «Кто?» «Партизаны»... Люди запирались в деревянных туалетах, залезали в подпол, откуда их выковыривали. Милиционерам не хватало шмайссеров, немецкой формы и «Альпийской баллады» как фона к событиям. Лично мне было чего бояться. Тогда пионеры носились по толпе с мешком моих патронташей. Я распихал напульсники по носкам, а мой товарищ купил себе кроссовки за двести двадцать рублей.

Кстати, кроссовки. Это неотъемлемый атрибут стиля. Как только Удо вышел в дудочках и белых кроссовках – мода была застолблена. Длинный хаер и кроссовки сорок пятого размера. О «казаках», конечно же, мечтали, но не было их тогда. А винтилово было жуткое. Тысячи дружинников с по-

вязками прочесывали леса за отгулы на заводах и училищах. Мне так кажется, что это была самая масштабная облава за всю историю Союза. Причем тогда уже толпа превратилась в разгуляй-малину. Приезжали шашлычники, привозились ящики водки, но прессинг был не из-за наживы, а именно по идеологическим причинам. Настолько явно эта толпа становилась предтечей рынка, настолько разных людей она уже объединяла, что государству уже не оставалось ничего иного как либо пресекать, либо разрешать предпринимательство. Люди, начхав на законы, демонстративно вели несоветский образ жизни, покупали и продавали дефицитные товары по рыночной цене. Рынок налаживался сам. Люди, купившие свежий пласт Motorhead, на радостях проставлялись, покупая на месте алкоголь. Все структурировалось на месте за считанные секунды. На толпе присутствовало по четыре (!) кружка «кручу-верчу» за одну «толпу». Батарейки шли на расхват. Представляешь, как это налаживалось! Кто-то, не имея возможности заниматься пластинами, прикидывал: «Так, сейчас они на радостях нажрут и будут на полную громкость свою лабуду гонять. Батарейки сядут, а тут я им батареечки семнадцатикопеечные продам уже по тридцать...»

И вот так постепенно простой обмен пластинами превращался в самодостаточный рынок, задолго до начала перестройки. Все было нужно, и нужно немедленно. И вот поэтому, за неимением муляжей, в ход шли настоящие боевые патроны. Я тогда чуть не поседел, когда на двадцатом протоко-

ле следователь достал мешок из-под школьной обуви. А там было восемь столов и восемь следаков, потому что народищу было принято немеряно. Я тогда проходил с кожаными джинсами, в смысле из кожзама. Следователь тогда с трудом подавляя зависть на лице, спросил: «Кожаные?» «Не, из заменителя. Жене купил». Причем видно было, что бытовой интерес превышал служебный долг. Я, конечно же, занизив сумму в два раза, чтоб не превышало сумму зарплаты, ответил, что двести – хотя на самом деле было четыреста. И вот смотрю, товарища моего уже пытаются, потому что нашли патрон и мешок с патронташем. А на мешке от сменной обуви чего-то написано, типа ученик Алешин или что-то такое. И же пробивают насчет оружия, золота, наркотиков. Это были вилы выкидные.

А в другом лесу меня приняли прямо на месте покупки другого артефакта. Какой-то человек на заводе «Знамя труда» сделал палицу с наборной ручкой, металлическим шаром размером едва кулака и пятисантиметровыми шипами. Шедевр токарного искусства. Я тогда понял, что если я её не куплю, то другой такой вещи уже в своей жизни не встречу. Тогда был на подъеме Manowar с рыцарской эстетикой и я, увидев сей артефакт, подумал: «Да-а-а...»

И только я купил, тут же меня под ручки и повели люди в плащиках. А остальные, как стая рыб: видят, что хищники шарятся, но почему-то думают, что их это не коснется. Стоят, видят, что приняли, и все равно продолжают торговые

операции. Тогда все кончилось мирно. Все видели, как я ее приобретал, и просто меня подвели к изготовителю, который отсчитал мне деньги назад, а его тоже отпустили, предварительно объяснив, что «мановар мановаром», но тут, мол, бегают какой-то маньяк, который подобным орудием труда уже насамоварил десяток трупов. Стращали, журили, пытали, но не сажали, потому что уже тогда было ясно, что все это должно вот-вот измениться.

М. Б. Ты перескочил, не обозначив цифры.

С. О. Ну, представь сам. Если из одной электрички, на какую-то глухую станцию вываливала толпа, то на платформе не хватало места. Причем все не успевали выходить, срывали стоп краны, и девушка, которая продавала три билета в день, увидев такое, начинала голосить в мегафон: «Старший группы, возьмите руководство по движению людей с перрона». Не знаю, за кого нас могли там принимать, видимо, за экскурсию по местам боевой славы, но было смешно.

И вот таких электричек было до пяти за день. Были случаи, когда собиралось по несколько толп. Одна толпа уходила налево и утаптывала там на снегу поляну, вторая толпа размещалась где-то слева от платформы; а третья толпа, состоявшая из проспавших и ленивых, уже часам к двум приезжала и металась между ними. Когда толпа маленькая, все начинали друг друга искать. А на таких глухих станциях гудение толпы было слышно издалека, и заблудиться было сложно. И вот когда все эти бздявые филофонисты разбегались,

то на полянах оставались брошенные витрины из пластов и вещей, такой лесной магазин.

Я тогда уже решил все свои интересы: и эстетические, и экономические. Меня просто перло не по-детски, а вокруг было много аморфных и непредприимчивых людей. Покупая клепку по кошунственным ценам в рубль, сделать ремень с двадцатью пятью клепками, а потом можно было легко продать его за пятьдесят рублей! Я уже ходил по заводам и предлагал сделать мне этих клепок по баснословным для работяг суммам. Наверное, выглядел я как сумасшедший – из тех, кто ходит сейчас по кабакам и, не найдя чего-то там в меню, просит: а зажарьте мне вот этого попугая из клетки... Что бы там ни говорили про цеховые производства и кооперативы, там, на этих толпах, и происходило зарождение капитализма. Люди начинали понимать цену деньгам и своим возможностям. Цеховиков и кооператоров было- единицы. Люди хотели, но не было ни регламента, ни законов. Я помню, как приходили люди, а регистраторы не понимали, чего от них хотят. Приходит чел, говорит: «Хочу кооператив». «Какой? Чем хотите заниматься?» «Какое вам дело? Хочу покупать все, что подвернется под руку, и тут же это продавать, чтобы иметь свою маржу». А те не понимали: «Чего хотите поиметь, кого?..»

И только тогда, когда Артем Тарасов принес и вывалил на стол партийным бонзам миллион рублей из чемодана, эти бюрократы зачесали репы. Как так, миллион, почему милли-

он? А тот сказал – миллион рублей партийных взносов. И пошли прикидки насчет его состояния и собственной несостоятельности. Вот тут-то их жаба и придавила: пошла структуризация под то, чтобы все эти бонзы продолжали сидеть, а все предприниматели приносили им чемоданы и кланялись. В тот момент надо было быть отчаянным авантюристом, и такие были. Тот же Андрей Разин за год нагнул весь комсомольский шоу-бизнес со своим дурацким «Ласковым маем». Или Айзеншпис, который после тюрьмы уже не боялся ничего.

Сейчас еще более выгодная ситуация, потому что тогда стартовать было гораздо сложнее. Тогда можно было реально подвести под статью 88 и упаковать по полной. В государстве был такой развал, что первые, кто перестроились, были люди из ОБХСС. Комитетчики того периода были чуть чище, и в итоге обэхэссники первые поняли, что торговать выгоднее, чем воровать. А чиновник, наживший маржу за галочку, преступником был тогда и остается им и сейчас. При этом глюк в виде государства с середины восьмидесятых представлял из себя группу рях, которую все время показывали по телевизору, не более.

Но были же и простые люди, которые пытались в этих условиях организовать рынок в его первичном экономическом понимании. Еще на подъездах к перрону в вагонах начинались биржевые сводки: что там поперло, Metallica или Judas Priest. И те пласты, которые можно было купить за

тридцатку, в этот день за семьдесят рублей уже было не найти. Живые сводки и котировки давали прибыль в два конца за полгода. Ну и новинки, конечно же, которые сметались на корню. Сарафанное радио срабатывало четко. Tears For Fears не бери, говно типа Scorpions...

В одну субботу привозили все новое, а пионеры, которые отслушали чего-то там, уже ходили и пытались отдать свои диски за полцены и добить за новинку. Причем эти пионеры налаживали свой бизнес тоже с выгодой. Купленный пласт тиражировался на весь район по пять рублей кассета, и сумма в пятьдесят рублей отбивалась полностью. При этом, если ты хотел обзавестись новыми связями, выпить водки под шашлычок и еще сделать деньги, послушать новую музыку и прикинуться по-человечески или наоборот, – то это было то самое единственное место. Это не КПШники, одинаково одетые, как китайские хуйвейбины, со своими одинаковыми песнями и одинаковыми бородами и гитарами, одинаковыми девушками с макияжем а-ля Дженис Джоплин. Макияж фри... Те же самые «совки», только на выгуле.

Тогда же стали появляться первые майки непонятного производства- то ли польские, то ли венгерские. Братья по соцлагерю тоже активно включались в неформальную индустрию, и из Польши потянулись всевозможные виды маек и нашивок.

М. Б. А перепродажи «бритых маек»! Когда ношенная майка покрывалась катышками, ее брили, упаковывали и

продавали как новую...

С. О. Да-а, уже подзабывать стал; ну так двадцать лет все-таки назад было. Мерчендайзинг хилял по всем направлениям, что было удобно. Надоело-продал, захотелось- купил. С теми же футболками. Можно было круглый год еженедельно менять футболки, которые даже стирать-то не надо было. Прямо с себя снял, другую надел. Возможно, по этой причине костяк московских металлистов не погряз в чуханизме и всегда был одет как с иголки.

Да, конечно, менты усиливали прессинг, и в конце концов практически на всех станциях, где было возможно размещение такой массы людей, стояли патрули и засады. Нужно было уже другое место. В итоге с 84-го года, когда закрылись Химки, по 87-й год никто не мог договориться о месте – поэтому и приходилось скитаться по лесам. Именно эти времена участники вспоминают с наибольшей теплотой в сердце, потому что там присутствовал дух братства. Тогда же, в 86-м году, на толпах стали появляться любера и стали грабить вдоль дороги задержавшихся пионеров и чуть ли не тут же это все скидывать. Такое случалось, когда кто-то, заторговавшись, вдруг обнаруживал себя в окружении бандитских рож: в лесу, и бежать некуда. Жертва сразу же понимала, что она жертва, и отъем капитала происходил с молчаливого согласия ряженных милиционеров.

Как-то на «куче» появилась толпа гопников, которая приволокла какую-то немерянную битку – и как по улице слона

водили, будто на показ. Видно их было сразу; но меломанам пофигу, а они уже какого-то подростка прижимают. И тут один металлуга с позывными Шрам впрягается за пионера. Он потом стал каким-то бандосом и разбился при перегоне из-за границы какого-то джипа.

Я, хотя и был в авторитете, но тогда смалодушничал; а вот этот Шрам, безвозмездно, не будучи русским народным богатырем, вышел против этого слона и забил его об близстоящие пеньки. Причем все были еще не богатырями, но природа брала свое, и метаморфозы были разительные. Диано, Хирург- все, будучи изначально смешными, как-то в один момент расправили плечи, даже Гриша Фары-Гары. Так и Шрам, впоследствии возникший на Горбушке, уже был богатырского телосложения. Так и Тема со Шведом, за годы бурной боевой молодости постепенно поднабрали массу, да и лица, украсившись боевыми шрамами, приобретали зверские оттенки. А я – как был бухгалтером, так бухгалтером и оставался.

Вся эта борьба каждую субботу закончилась тем, что в конце концов толпа осела возле ДК Горбунова. Инициатором Горбунова был все тот же Боря Борода со своими бородами товарищами, которые стали пробивать площадку в Москве. После открытия Горбушки все уже не помещались внутри, и тусовка происходила на улице. Культовый статус уже был такой, что люди ехали со всех концов страны. Тут же при этой толпе комсомольцы пристроились со своими рок-

фестивалями, и жизнь заklubилась вновью.

А концерты тогда уже проходили по всей Москве. В Измайлово, помню, посещал вместе с Отиевой концерт «99 %» – и вокалист пел так, что у него горлом хлынула кровь. А это было особенностью местных концертов – выкрутить ручки на пульте на полную, чтобы музыка превратилась в какофонию и голоса певца слышно не было. И то ли он старался все это перекричать, то ли просто старался, но сорвал себе все, что можно. Звукооператоров и аппаратов нормальных не было, и получалась, как говорил В. И. Ленин, нечеловеческая музыка- какофония. Шостакович напололам со Шнитке. Шостакович чего-то там делил, а Шнитке стоял рядом и говорил: «Только винтаж»... Когда выступал «Шах», публика припухала. Непонятно, откуда брался этот западный подход у цыганских братьев Гарсия. Когда они приезжали ко мне со своими катушками, я понял: Gipsy rocks курят.

На концертах появлялись первые неформальные девушки. Нет, конечно, были еще жены музыкантов и тусовщиков, та же Маша Крупнова, моя и джониковская жены. Но были и отдельные персоналии, которых стоит отметить. Ходили такие две девушки, как в индийском фильме «Зита и Гита», ходящие вместе. Была жена Хирурга Юля, Двинская Аня, Афонина, которые забили на свою женскую программу и мерканто. Не было таких расчетов, как у девушки Ким Ир Сена, которая при первом же случае вышла замуж за

музыканта Les garçons bouchers и свалила за бугор. Просто были девушки, которым было интересно, что в этом клубке творилось, и которым нравились отрывные богатыри неформального мира. И за этими девушками вереницей потянулись особи женского пола помельче. Аня Двинская приглашала к себе рокерскую тусовку, и ей искренне нравилось такое общение. Это, видимо, сказалась общая тенденция, когда девушки – дети состоятельных и образованных родителей, начитавшись рыцарских романов, видели в неформалах проявление рыцарского духа. Что было, кстати, небезосновательно. На фоне советского жлобства так оно и было. Та же Ира Грунгильда со своей подружкой Юлей Локомотив всегда чувствовала себя счастливой рядом с викингоподобными богатырями и наряжала их своими изделиями, как новогодние елки... Хирурга наряжала она с особым рвением: во всякие аксельбанты из телефонных шнуров и какие-то кольчуги, над чем по-доброму потешались многие рокеры. Три подруги было: Афоня, она же Грунгильда, Юля и жена Ганса. Причем, самые первые девушки-металлистки стали появляться еще во времена лесных столпотворений. Только люди, выбивающиеся из всех правил, были способны привести девушек на такие мероприятия, и такие были. Девушек на самом деле было много, но были такие, которые специально приезжали, чтобы стать металлистками или просто почерпнуть недостающую в те времена информацию.

Была такая маленькая девушка белокурая, которую сразу

же окрестили Дорой – из-за Доры Пеш. Потом в девяностых, когда Паук подписал московский канал, чтобы ретранслировать свой галлюциноз, она была там в роли ведущей и звучала как Дора. Была еще такая девушка Нателла, дочь грузинско-финской семьи и фанатка White Snake, которая была очень коммуникативной и позже вышла замуж за Кирилла Ланже. Эти люди выделялись из волосатой тусовки своими лысыми головами. То есть первые, кто стал сбривать хаера, обгоняя своих зарубежных кумиров.

Рок-лабораторские концерты на Горбушке я помню смутно, потому что вся энергия уходила на толпежное общение и выпивания, да и группы все эти, по большому счету, не шли ни в какое сравнение с той музыкой, которую я привык потреблять. Комсомольские концерты были настолько одинаковыми, что каких-то отчетливых следов в памяти не оставили. Все эти уродские группы, конечно, мне близки по духу; тем более я со многими музыкантами дружил, но слушать их – это извините. Единственный, кто меня удивил, это был Макс Покровский, который, появившись в Рок-лаборатории, сыпал отрывками Мандельштама и нес прочую веселую ахи-нею, и на фоне остальных неначитанных музыкантов смотрелся очень интеллектуально.

Кстати, у тех же финских групп, как Sielun Veljet, КПД был гораздо больше; и я не удивляюсь, почему сборная пятимиллионной страны в хоккее обыгрывает сборную стопятидесятимиллионной России. По тем же причинам, что и в

рок-музыке, и на линии Маннергейма в 20 м веке.

Крупнов был искренним и сгорел быстрее, чем Высоцкий, который как-то распределял свое горение. Пузо горел также искренне. Искренность присутствовала в общении. С Женей Круглым мы понимали друг друга простым взглядом глаза в глаза. Без этой педерастической фигни «Он посмотрел в глаза ему, а тот в ответ». Нет. Все было связано на каком-то труднообъяснимом уровне. Одно слово: неформальная коммуникация, которая не подчинялась никому и ярко горела на всю катушку. Люди, вливавшиеся в тусовку, не были зажаты. И сами концерты были не важны-важны были диалоги в подворотнях, из которых формировался неформальный фольклор, который позже взял на вооружение весь отечественный шоу-бизнес.

К 86–87 году активность молодежных масс привлекла повышенный интерес международной прессы и местных комсомольцев. Немецкая журналистка Петра Галл выступила в роли московской Стингрей. Тогда уже, будучи не сильно молодой, Петра провела массовые фотосесии, сделала серию публикаций в иностранной прессе, которые действительно привлекли интерес к нашей московской рок-культуре. Впоследствии, в году 88 м, она же помогла некоторым товарищам с выездом в Германию, в частности Жене Пирату и Саше Хирургу, в тот момент еще не определившемся, кто он – рокер, панк или металлист. А я всегда знал: главное в жизни – определиться. Я даже не знаю, испытывает ли он разочаро-

вание в чем-то сейчас.

Тогда весь это клубок идеологически сдерживал и направлял в артистическое русло Гарик Асса. Если Пузо был генералом металлистов, Рус – рокерским генералом, то Гарик, будучи панковским генералом, координировал многие движения. Познакомил меня с ним, конечно же, Джоник, для которого при всей его крутости Гарри Иванович был неоспоримым авторитетом. Он же привел Гарика на «Кузню», вместе с толпой панков, которые меркли на фоне Алана. Все эти палочки с набалдашниками возрождали в памяти кадры из «Механического апельсина». Моды модами, а тут на тебе! – все есть в Москве и в немалом количестве. Группа Who со всеми мотороллерами и одеждами отдыхала. Алан поражал гитлеровскими усами, остальные – нарядами.

Тогда же началась централизованная война с люберами, где многие себя проявили. Первое крупное сражение было в «Резонансе», где все началось с винтилова Хирурга, которого хотели забрать якобы для проверки с позывными какого-то криминального авторитета, но тусовка его отбила.

Надо сделать ремарку. Тогда милиция мало того, что была не вооружена и старалась вести себя культурненько; был такой феномен, как общественное мнение, которое при всей своей бюрократизации играло немалую роль. Поэтому милиция старалась решить свои проблемы и задачи руками и ногами ДНД, «Березы» и люберов, которые действовали беспредельно цинично вне каких-либо правовых полей.

Да. Так и тогда – были вызваны автобусы этих люберов, и случилась та самая история, которую Гарик наверняка осветил. У меня было впечатление, что это постановочная сцена. Все же было настолько символично: «Резонанс», «Проспект Мира» – и глобальное побоище. Причем время было позднее, и на этой станции скопились иностранцы, которые хотели провести там фотосессию. Этот маленький фактик такой продуманной операции наводит меня до сих пор на мысли о том, что и это было продумано. Неформалов вели сквозь коридор в метро, где их уже ждали фотокамеры Canon и любера. Но фотосъемка была иной. Я, как человек интеллигентный, никого не бил; и, что удивительно, сойдя с эскалатора первым, вплотную подошел к этим «шапочникам», но на меня как-то не позарились. Видимо, пресловутые очки сыграли свою судьбоносную роль. В армии было тоже самое, когда все среднеазиаты считали меня чуть ли не Ибн Синной. Так и тогда, а мочилово было серьезным, и иностранцы, выстроившись по стенкам, офигевали и имели сходные с моими мысли: а вдруг это шоу?

Люберов было в городе немеряно. Практически на всех станциях, где были стекляшки, сидели эти «люди» и пасли прохожих. Со стороны казалось, что группа поддержки смотрит за игрой в пинг-понг.

Рядом жила тусовка Репы и Амоса, которые как-то существовали в центре гопоты. А я давил либо взглядом, либо базаром, при этом умудрялся участвовать во всех потасов-

ках. Просто испепелял через линзы очков своим независимым взглядом. . . Все же это были недалекие люди, и стереотип очков на них давил подспудно. У них же ни минусов, ни плюсов не было. Просто лобная кость до самого затылка и стопроцентное зрение, не испорченное вечерним чтением. . .

Но все же можно сказать, что восемьдесят процентов металлистов были не боевыми. Это, видимо, наследие лесных грабежей, когда эта тусовка Паука шла по лесу и боялась каждого куста. У нас все-таки было по другому, возможно, из-за того, что никто не хотел терять свои подростковые героические понты. К тому же в 87-м году все с друг другом перезнакомились на концертах в Измайлово. Персоналии на нашей металлической тусовке были яркими и разнородными. Тот же Ким Ир Сен, напоминающий больше восточного купца, который по малоизвестным причинам сел на мотоцикл. Или Влад Щербатый, сын не простых родителей и ломовой картежник, поразивший меня математическим складом ума. Я был азартен, как Парамоша из «Бега», и проигрывал ему вещи и деньги. Я думаю, что у него, как и у многих, была проблема с самоопределением, и он тоже видоизменялся на глазах. То превалировала тяга к роскошной жизни, то он выстригал себе ирокез, то садился на мотоцикл. Саша Хирург, собиравший и звавший непонятно куда себе подобных. Гриша Фары Гары, детдомомский паренек, одевавшийся в суперстаринные плащи и рейнджерские шляпы 19 века. Когда в него влюбилась американская девушка и при-

гласила его в Америку, такой человек не мог не иметь проблем с визой. Природа над Гришей долго не старалась, и у него не было волоокого взора и журнальной внешности. Но, попав на собеседование, артистизм, приобретенный за годы тусовок, сыграл свою роль. На вопрос, с какой целью он собрался посетить Америку, Гриша втер, что он фанат Элвиса Пресли, а как раз сейчас у него юбилей, который отмечается в Мемфисе. Да вы что, не знаете? Я, мол, русский и то знаю... Короче, зачморил сотрудников посольства за то, что они не дают ему положить цветы на могилу Элвиса, и его пропустили. Чего он там только не делал, я уж и не припомню, но в итоге вернулся и сгорел за компанию с отрывавшимися товарищами.

При этом, вспоминая Круглого, который любил приезжать в гости, когда мы жили в Печатниках... И вот Круглый, пробиваясь на улицах сквозь люберецкие кордоны... А тогда уличная война шла на всех улицах, и под люберов косила уже «ждань» и «текстили», где мужественно отбивалась команда металлистов Амоса. Женя бродил, круша люберов, и заходил без определенного повода ко многим знакомым, часто не выбирая время, когда он это делает. Любой выход сопровождался фантастическими историями, которые потом обрастали легендами на тусовках. Если бы Круглый пошел по официальной стезе, то сейчас вполне мог быть заместителем Кудрина, но он так искренне ненавидел бюрократов, жлобов и комсомольцев, что путь в официоз ему был заказан, и он

это понимал. Выбор при этом всегда есть, но не каждый искренний человек способен наступить на горло своей песне и вписаться в систему. Если такое происходило, и этот человек был способен привносить новации в любую область официоза, то такие люди давали фору всем.

Паша Золотозуб. Если люди косили от армии, то Паше это не требовалось. Все было и на лице, и налицо. Как он считал деньги и его предприимчивость- это что-то. Есть такая форма аутизма: вроде бы шизофреник, но математические способности исключительные. И меня самого поражало то, что будучи уже взрослым мужчиной, я покупаю пластинки у шизофреника, зная все его недостатки. И вот этот предприимчивый мудак купил два видеомэгнофона. Это был верх капитализма.

Тут надо сделать пометку. Видеомэгнофоны мало того что стояли на учетах в милиции, они стоили достаточно внушительные суммы, даже по предпринимательским меркам того периода. Суммы разнились. Четыре тысячи рублей, или сумма, сравнимая с госценой на автомобиль «Жигули». Да, а когда Паша собрался покупать третий, он умудрился продать один из пары людям, которые тоже вошли в историю города. Эти люди были замечательны тем, что прогремели на всю страну, попали в газеты из-за того, что ограбили очень крупный магазин на Кутузовском проспекте. Название уже подзабылось, но не суть. Это было очень крупное дело; все одно, что ГУМ ограбить, а купить-то на шальные деньги в

стране Советов нечего. Ну, они у Паши и прикупили видеомагнитофон. Пять тыщ-то-тьфу! На, Павлик, не горюй!.. Паша с теми магнитофонами устроил первый московский видеосалон.

Где он брал двадцатиминутные кусочки с концертами зарубежных групп, загадка. Но как он это все обставил! Люди сидели во дворе, пока вся шобла человек в тридцать, затаив дыхание созерцала своих кумиров. Тогда уже начинались такие подпольные дела, но показывали только «Рэмбо» и «Греческую смоковницу». А уж порнуха реально ставила в ступор советских инженеров, провоцируя непроизвольную эрекцию... Паша собирал после сеансов мятые трешки и пятерки. Но, конечно же, долго это все не продолжалось, и к нему постучались. Паша, хоть дурак дураком, но подстраховался так, как не каждый умный человек догадается. Когда у него изымали деньги, шел стандартный вопрос про то, что надо бы прояснить, на какие доходы была закуплена техника, Паша тут же предъявил акт о продаже дома бабушки.

Потом он пропал на какое-то время, и был случайно обнаружен одним знакомым металлистом, работавшим на заводе Хруничева. Паша вытирал столы в какой-то столовой, пару раз «пролетев над гнездом кукушки». Неизвестно, чем его там закалывали, но после этого, он какое-то время замывал грехи молодости в столовой. Видели его работающим и контролером в троллейбусе на заре перестройки. Потом были слухи о каком-то там кооперативе, но я почему-то уверен,

что такие люди не пропадают. Я его встречаю иногда.

М. Б. А почему Золотозуб?

С. О. У него два клыка были с золотыми фиксами, при этом у него была такая непреодолимая тяга забуриться в тусу и пофоткаться со звездами эстрады, что даже не знаю, как бы отреагировали эти люди, узнав, с каким фоном им придется в этой истории фигурировать. Форест Гамп советского разлива жил в стране Советов задолго до написания сценария к фильму...

Замечательной фигурой, которую тоже можно отметить, был и есть Женя Батлер. Я не удивлюсь, если ему сейчас за пятьдесят. Он всегда был фанатом Black Sabbath, и даже в древние времена ходил с хаером, баками и усами. Сейчас он что то делает на НТВ+ и путешествует по местам боевой славы своих кумиров. Объездил Индию по битловским маршрутам. Это феноменальный специалист, и если бы у него возникло желание проучаствовать во всех этих конкурсах на эрудицию в области рок-музыки, он стал бы чемпионом. Причем вопросы могут быть любой сложности, поскольку знания энциклопедические и коллекция винила немалая. Такой же специалист, как питерский Коля Васин. Когда однажды мне нужно было сделать обложку Creedence, а я чего-то подзабыл, – то просто позвонил Жене и что-то ему приблизительное на слух напел. Женя побряхтел, но назавтра перезвонил и все сказал. Разбуди ночью и спроси, как называется песня Black Sabbath в таком-то году, – ответит без запинки.

Настоящий эксперт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.